

Глаза господина Вана, мелкие, как зелёные бобы, были вставлены в мясистые веки. Веки были сложены так плотно, что почти скрывали глаза, словно два тяжёлых шлюза, оставляя лишь узкую щёлочку. В этот момент мелкие глазки безумно вращались в глазницах, как два заводных подшипника, стремительно крутились, и с каждым оборотом источали липкую алчность, словно в глазах текла река желаний, без конца и края. Его взгляд, подобно двум влажным щупальцам, сначала медленно скользнул по заколке из духовного нефрита, словно голодный зверь, увидевший добычу, алчно потирая её изящную резьбу. Резьба была тончайшей, словно каждая линия рассказывала древнюю историю; затем он нежно провёл по гладкой нефритовой поверхности, такой чистой и прозрачной, как нежнейший тёплый янтарь, излучающий мягкий блеск. После этого его взгляд с нетерпением переместился на старинный свиток. Взгляд казался способным проникать сквозь выцветший шёлк времён, стремясь заглянуть в его тайны. Он уже предвидел роскошные грёзы, которые можно построить с помощью этих двух сокровищ, и уголки его губ непроизвольно растянулись в пошлой, хвастливой усмешке. Мясистая плоть на щеках затряслась, образуя складки, похожие на рябь на воде, расходящуюся волнами.

Спустя долгое время он неохотно оторвал взгляд от сокровищ, словно приклеенный. С величайшим усилием он медленно отвёл его. Затем он неторопливо перевёл взгляд на Кан Линъи и Е Ваншу, в его глазах читалась неприкрытая алчность и откровенное желание. Его мясистые губы шевельнулись, и он издал характерный для гусака пронзительный голос: — Заколка и нефритовая жуйи — я беру обе. Приношу извинения двум Императрицам! — Сказав это, он преувеличенно поднял свою короткую, толстую руку и сделал вид, что протирает несуществующий пот со лба. Однако лоб оставался сухим, это было лишь представление. — Вы сами посмотрите, сколько здесь всякой всячины, а я, словно одержимый, решил взять именно эти два сокровища. — Он нарочно протянул последнюю фразу, и его голос, эхом разнёсся в воздухе, звучал особенно пронзительно. Его взгляд стал ещё более наглым, как у воришки-мыши, он непрерывно скользил по лицам и фигурам сестёр. Его откровенный взгляд, казалось, хотел содрать слой кожи, вызывая мурашки. Словно острый хирургический скальпель, он расчленял сестёр дюйм за дюймом.

Кан Линъи мгновенно помрачнела. Её брови взметнулись, словно два острых меча, а в глазах вспыхнул ледяной озноб, способный мгновенно заморозить окружающий воздух. Она уже была раздражена многократными домогательствами этого господина Вана, а теперь её захлестнула ярость. Когда она собиралась резко отчитать его, она почувствовала, как Е Ваншу осторожно потянула её за край одежды. Е Ваншу пошла лёгкой поступью, её фигура была изящна, словно распутившийся лотос, слегка колышущийся на лёгком ветерке. Она сделала небольшой шаг вперёд, но излучала мощную ауру, словно окружающий воздух сжимался под её напором. В глазах её мелькал иней, способный заморозить всё вокруг, и она бесцеремонно произнесла: — Господин Ван, вы действительно на высоте! Сначала вы получили от нас отлуп, но не успели уйти, как снова пришли сюда, нахально нас беспокоить? Что, вы решили, что с сёстрами Е легко справиться, и думаете, что можете здесь бесчинствовать, принимая нас за мягкие груши?

От этих слов господин Ван побледнел, его лицо стало цвета свиной печени, настолько красным, что казалось, вот-вот потечёт кровь. Оно было и красным, и синим, зрелище было впечатляющим. Однако, вспомнив о "чудесном применении" двух сокровищ в его уютном гнёздышке, он всё же стиснул зубы и, выпятив шею, отчаянно притворился сильным: — Мисс Е, правила аукциона — это закон! Всегда побеждает тот, кто больше заплатит! Не злоупотребляйте силой семьи Е и не устраивайте здесь беспорядки, портить всем настроение.

Говоря это, он пытался выпрямить спину, согнутую пивным животом. Но пухлый живот был слишком тяжёлым, словно внутри арбуз, он оттягивал его вниз. Эта попытка выпрямиться не только не произвела никакого впечатления, но и сделала его похожим на жалкого шута, настолько нелепым, что многие гости вокруг украдкой прикрывали рты и смеялись. Смех доносился смутно, как жужжание комаров.

Когда господин Ван это сказал, вокруг мгновенно раздался вздох. Звук, словно порыв холодного ветра, промчался по воздуху. Все ждали реакции семьи Е, словно собирались посмотреть захватывающее представление. Кан Линъи в ярости рассмеялась. Её смех был звонким, но пронизанным ледяным холодом, словно ледяные бусины, падающие на нефритовую пластину — звучный, но зловещий.

— Господин Ван, какой тон! Если вы хотите говорить о правилах, мы будем играть по ним до конца. Но боюсь, что если вы проиграете слишком некрасиво, то снова начнёте юлить. — Сказав это, она выпрямила спину. И без того высокая фигура казалась ещё более внушительной, как гора, устремляющаяся в небо, вызывая благоговение. Лёгкое презрение в её глазах было ощутимым, словно острый меч, мгновенно пронзающий господина Вана.

Е Ваншу тоже присоединилась к насмешкам: — Точно, мы уже слышали о ваших неблагоприятных методах, господин Ван. Не используйте эту грязную мысль в торгах сегодня. — Сказав это, она легко взяла Кан Линъи под руку. Сёстры встали бок о бок, как две сражающиеся военачальницы, их взгляды были остры, как у соколов, способные мгновенно проникнуть во всё. Их аура росла, подавляя дыхание господина Вана. Крупные капли пота стекали по его лбу, словно дождевые капли, падая на землю и оставляя влажные пятна.

Сяо Сучао холодно фыркнул. Его голос был низким и сильным, как приглушённый гром из-под земли. Лёгкое течение духовной энергии рассеивалось вокруг, вызывая у окружающих ощущение давления, словно на них давила невидимая гора, не давая вздохнуть. Он посмотрел на господина Вана и холодно сказал: — Господин Ван, если вы настаиваете на борьбе, вам следует тщательно взвесить своё состояние. Не потеряйте последнюю рубашку. — Гу Сюхань тоже согласился: — Хотите отнять сокровища у двух Императриц? Посмотрите на себя, сколько вы стоите. — В их словах звучали насмешка и презрение, будто господин Ван был для них не более чем незначительным муравьём.

Господин Ван, будучи зажатым со всех сторон, почувствовал глубокое сожаление. Если бы он знал, что семья Е так трудно поддаётся, он бы ни за что не начал эту борьбу в порыве страсти. Но теперь, если он отступит, как он сможет жить дальше в этом кругу? Пришлось стиснуть зубы и кричать: — Прекратите болтать, начинайте ставки! — Сказав это, он дрожащей рукой поднял аукционный жетон. Рука его дрожала, словно окоченевшая от холода. Он назвал цену, намного превышающую ожидания. Его голос, напряжённый и полный страха, стал пронзительным и хриплым, особенно выделяясь в тихом зале аукционов, словно отчаянный крик раненого зверя.

Кан Линъи приподняла бровь, словно бабочка, готовая взлететь. Не спеша, она тоже подняла жетон, её звонкий голос разнёсся по залу: — Господин Ван так усердствует, как же я могу не ответить? — Е Ваншу подмигнула Гу Сюханю. Гу Сюхань понял её и немедленно поднял цену. В одно мгновение ставки стали поступать одна за другой, словно ожесточённая битва. Цена

взлетела, словно ракета, числа непрерывно менялись, как группа безумных танцоров на сцене.

По мере того, как цена аукциона росла, цифры становились всё более возмутительными. Лицо господина Вана, и без того жирное, теперь потеряло всякий цвет, став бледным, как свежеекрашенное оконное стекло, безжизненное, как пустая оболочка без души. Крупные капли пота стекали по его лбу, падая на землю и оставляя влажные пятна. Рука, державшая аукционный жетон, непроизвольно дрожала, словно осенний лист, трепещущий на ветру. Каждый раз, когда он поднимал его, казалось, что он тратит все свои силы, будто жетон весил тысячу цзиней. В его голове стучали костяшки счётов. Каждый раз, когда он повышал цену, это было как острый нож, впивающийся в его сердце, причиняя такую боль, что он едва мог дышать. Боль была такой, словно тысячи стрел пронзали его тело, причиняя невыносимые страдания.

Напротив, семья Е. Сяо Сучао стоял прямо, как могучее дерево, с безмятежным выражением лица, на губах играла едва заметная улыбка, словно эта ожесточённая битва ставок была не более чем незначительной игрой, а он всего лишь наблюдателем, наслаждающимся интересным представлением. Гу Сюхань также был спокоен и уверен, в его глазах читалась уверенность в победе, словно всё было под его контролем. Имея их поддержку, Кан Линъи и Е Ваншу чувствовали себя уверенно. Они стояли прямо, их взгляды были острыми и гордыми, без малейшего колебания. Их позиция ясно давала понять, что они будут бороться за это сокровище до конца, будто оно уже было у них в руках.

Господин Ван стиснул зубы и почти прорычал, выдавив слова: — Восемьдесят миллионов. — Его голос, напряжённый и полный страха, стал пронзительным и хриплым, особенно выделяясь в тихом зале аукционов, словно острый шип, пронзающий спокойный воздух.

Кан Линъи тут же холодно рассмеялась. Её смех был звонким и ледяным, словно ледяные бусины, падающие на нефритовый поднос: — Раз господин Ван так желает, зачем же мне отнимать у него из-под носа? Я лучше уступлю ему. Однако, дружеское напоминание,

— она слегка остановилась, её взгляд намеренно скользнул по присутствующим, нарочито протягивая последнюю фразу, её голос эхом разнёсся в воздухе, словно некое невидимое сдерживание, — с этого момента деньги, вырученные от этого аукциона, будут поровну разделены между семьями Е, Сяо и Гу. — Как только она это сказала, по залу прокатился ропот. Все обменивались мнениями, тайно размышляя, какой великий план вынашивает семья Е, словно гигантский камень, брошенный в спокойное озеро, вызвав тысячу волн.

Господин Ван выпучил свои зелёные маленькие глазки, его мясистые губы приоткрылись от изумления. Через полминуты он опомнился и в ярости закричал: — Императрица, не ошибайтесь адресатом! Этот аукционный зал изначально был общим, как он может стать вашей эксклюзивной собственностью? Вы говорите это без каких-либо оснований, не боитесь, что ваш язык оборвётся! — Его голос звучал как рычание разъярённого льва, эхом разносилось по залу, заставляя уши гудеть.

Однако Кан Линъи не спешила. Она небрежно поправила прядь волос у уха, её движения были элегантно и спокойны. Она небрежно добавила: — Я только что купила его, вместе с тем, что там было. — Тон её был таким же невозмутимым, как будто она говорила, что сегодня купила

капусту, но вес этих слов был настолько велик, что мог пробить огромную яму, словно бомба замедленного действия, взорвавшаяся в толпе.

Е Ваншу вовремя поддержала, с улыбкой похвалила: — Действительно, моя сестра. — Её восхищенный и ласковый вид ещё больше разозлил господина Вана, словно огонь горел в его животе, причиняя ему невыносимые страдания.

Господин Ван окончательно вышел из себя, вскочил и заорал: — Знаете ли вы, сколько стоят этот аукционный зал и всё, что там есть, вместе взятые? Пять миллиардов! Вы говорите, что купили его? У вас есть столько денег? Хватит болтать вздор! — Вены на его шее вздулись, как извилистые черви. Лицо его покраснело, словно готово было истечь кровью, словно пылающий огненный шар, сжигающий себя.

Сяо Сучао воспользовался моментом, чтобы ударить лежащего: — О, господин Ван, вы так спешите? Неужели потому, что ваша компания вместе с компаниями, стоящими за вами, не набирает и пяти миллиардов, вы так взбесились? — Эти слова были словно соль, точно попавшая на рану господина Вана, причиняя ему более сильную боль, словно на рану насыпали острый перец, он чувствовал жгучую боль.

Гу Сюхань тоже медленно добавил: — Господин Ван, не забудьте заплатить. — Его небрежный тон настолько отравил господина Вана, что тот долго не мог говорить, лишь стоял там, тяжело дыша, как разгневанная, но беспомощная жаба, открывшая рот, но не издающая звука.

Господин Ван: — Хотя для секты Лазурных Облаков пять миллиардов — это всего лишь сто-двести юаней, но Ваше Величество должно обсудить это со всеми старейшинами.

Кан Линъи властно ответила: — Секта Лазурных Облаков принадлежит Кан и Е, но никак не Вану.

Господина Вана так разозлило, что он затрясся всем телом. Дрожащими пальцами он указывал на Кан Линъи и остальных, но не мог произнести ни одного полного предложения, словно немой, съевший горькую редьку, с горьким вкусом, но не способом его выразить. Взгляды окружающих людей метались между семьёй Е и господином Ваном, все ждали, чем закончится этот фарс, словно зрители, ожидающие финала захватывающего спектакля. Несколько человек, обычно близких к господину Вану, хотели подойти и примирить их, но, опасаясь могущества семьи Е, они колебались и не решались сделать шаг, словно стайка трусливых мышей, не осмеливающихся противостоять могущественному врагу.

В этот момент ведущий аукциона вытер крупные капли пота со лба и, собравшись с духом, вышел вперёд, чтобы разрядить обстановку: — Уважаемые гости, мир и гармония — это богатство! Целью сегодняшнего аукциона было развлечение. Если мы поссоримся, это будет некрасиво. Почему бы нам не сделать небольшой перерыв, чтобы вы могли успокоиться, а затем продолжить торги, как вам? — Сказав это, он беспрестанно подмигивал господину Вану и семье Е, его глаза были полны беспомощности и мольбы, словно несчастный ребёнок, просящий у взрослых.

Кан Линъи холодно фыркнула. Она больше не хотела связываться с господином Ваном и тут же кивнула, согласившись. Её движения были лаконичны и решительны. Е Ваншу встала, взяла сестру под руку. Сёстры лёгкой поступью направились к зоне отдыха, их фигуры были лёгкими и изящными, словно две феи, танцующие в воздухе. Сяо Сучао и Гу Сюхань неторопливо следовали за ними. Проходя мимо господина Вана, они не забыли бросить многозначительный взгляд. В их глазах читались насмешка и презрение, что вызвало у господина Вана ещё более сильную ненависть, но он был бессилен, словно побеждённый петух, который лишь понуро склонил голову.

В зоне отдыха Кан Линъи лениво опёрлась на диван, играя с аукционным жетоном в руке. Она усмехнулась и сказала: — Этот господин Ван, привыкший к своей высокомерной жизни, сегодня должен испытать немного трудностей, чтобы запомнить урок. — Е Ваншу поддержала: — Точно, метод сестры — "влезть под дно котла", его хватит надолго.

Сяо Сучао услужливо подал ей чашку горячего чая и мягко сказал: — Сначала промочите горло, не злитесь и не портите здоровье. Далее, независимо от того, будет ли господин Ван продолжать шуметь, мы обязательно получим предметы, которые нам нравятся. — Гу Сюхань тоже кивнул: — Да, с нами вы, сестры, не будете разочарованы.

Господин Ван, оставленный в стороне, через некоторое время опомнился. Он свирепо посмотрел на спины удаляющихся членов семьи Е, махнул рукавом и, взяв своих подчинённых, поспешно покинул аукционный зал. Его спина выглядела несколько жалко и одиноко. Идя, он мысленно просчитывал, как ему вернуть себе лицо, но, перебирая варианты, не находил никакого решения. Ведь семья Е имела глубокие корни, и не было легко с ней справиться, словно безголовая муха, метаящаяся в темноте.

По окончании перерыва аукцион возобновился. Без господина Вана, этого препятствия, всё прошло намного глаже, словно забитая река внезапно стала свободной. Заковка из духовного нефрита, которую выбрала Е Ваншу, вскоре была куплена Гу Сюханем по подходящей цене и доставлена красавице. Е Ваншу была в восторге, держала её, вертела, не могла оторваться, словно получила редчайшую драгоценность, на её лице сияла счастливая улыбка.

Затем настала очередь аукциона на Императорскую Жуйи из нефрита, о которой мечтала Кан Линъи. Несколько семей всё ещё не хотели сдаваться и пытались побороться, но стоило Сяо Сучао бросить на них взгляд, излучая лёгкое давление, да и само имя Сяо Сучао было всем известно, как конкуренты стали отступать, словно робкие солдаты, не осмеливающиеся встретиться с могущественным врагом. В итоге, нефритовая жуйи спокойно оказалась в руках Кан Линъи, на её лице появилась удовлетворённая улыбка, словно ребёнок получил любимую игрушку.

Кан Линъи скусающе ткнула пальцем в мобильный телефон, увидела время и невольно цокнула языком, проворчав: — Сяо Сучао, я голодна. — Она протянула гласные, в её голосе звучало беспомощность и раздражение. У неё и так не было аппетита, обед она пропустила. Кто бы мог подумать, что банкет ещё не закончился, и тут ещё этот противный господин Ван, своим появлением испортивший настроение. Уже было больше девяти вечера, живот давно начал петь "песню пустого города", издавая урчащие звуки, словно протестуя.

Е Ваншу, услышав это, тоже скривила губы, потянула Гу Сюханя за рукав и пронзительным голосом крикнула: — Голодна, Гу Сюхань. — Она выглядела как маленькая девочка, которая ищет опоры, когда ей обидно, полностью потеряв свою обычную достоинство, проявляя свои способности к заискиванию в полной мере, словно милый котёнок, ласкающийся к своему хозяину.

Сяо Сучао повернулся к Кан Линъи, увидел, что она хмурится, в её глазах читалась усталость и нетерпение. Он тут же ответил: — Пойдём, пойдём, я отведу тебя поесть. — Во время разговора он естественно обнял Кан Линъи за плечо и повёл её к выходу из банкетного зала. Его движения были интимными и естественными, словно пара влюблённых, идущих на свидание.

Гу Сюхань тоже легонько пощекотал Е Ваншу по носу, улыбнулся и сказал: — Маленькая обжора, иди за мной. — Затем он взял Е Ваншу за руку. Четверо вышли из дверей друг за другом, их спины выглядели немного торопливыми и взволнованными, словно группа голодных беженцев, ищущих еду.

Как только они вышли, холодный ветер "свистнул" внутрь. Кан Линъи вздрогнула, её тело слегка затряслось. Сяо Сучао быстро снял свою куртку и накинул ей на плечи, не забыв затянуть воротник. Его действия были быстрыми и умелыми, словно у хорошо обученного солдата. Е Ваншу прижалась к Гу Сюханю, который тут же обнял её, защищая от ветра. Его движения были нежными и заботливыми, словно тёплая гавань.

— Рядом есть ночная закусочная. Там очень вкусно. Пойдём туда? — предложил Сяо Сучао, в его глазах читалось ожидание, он надеялся как можно скорее накормить Кан Линъи и прогнать её плохое настроение, словно ребёнок, ожидающий похвалы от взрослого.

— Хорошо, быстрее, иначе я действительно упаду в обморок от голода. — Кан Линъи поторопила, её шаги ускорились. Е Ваншу тоже кивала позади, её вид казался немного нетерпеливым и милым, словно два голодных кролика, ищущих еду.

Вскоре они увидели тёплую ночную закусочную. Под простым навесом стояли несколько жирных столов, пар...